

Горячо благодарю Ханну Адлер-Ольсен за оказанную ею каждодневную поддержку и понимание. Благодарю также Элисабету Веренс, Фредди Мильтона, Эдди Кирана, Ханну Петерсен, Мишу Шмальстига и Хеннинга Куре за драгоценные и глубокие комментарии, а также Йенса Веринга за консультацию по логистике и Анну К. Андерсен — у нее поистине орлиное око и редакторская хватка. Я признателен также Гите и Петеру К. Раннес и Датскому писательскому и переводческому центру «Хальд» за оказанное гостеприимство в период, когда это было так необходимо, и Поулю Г. Экснеру, за его обычную бескомпромиссность. Благодарю Карло Андерсена, чьи разносторонние познания, в частности об охоте, были для меня очень полезны, и комиссара полиции Лейфа Кристенсена за то, что так щедро делился своим опытом и за внесенные им профессиональные уточнения.

Благодарю вас, моих замечательных читателей, заходивших на мой сайт www.jussiadlerolsen.com и пожелавших мне новых творческих начинаний.

ПРОЛОГ

Над вершинами деревьев прогремел новый выстрел.

Крики загонщиков звучали все громче и ближе. Тяжелые удары пульса болезненно отдавались в барабанных перепонках, а сырой воздух разрывал легкие при каждом торопливом вдохе.

«Бежать, бежать, не падать! Если упаду, мне уже не встать. Черт! Черт! Ну что же это такое, никак не освободить руки! Ох! Бежать, бежать! Тсс! Только бы они меня не услышали! Неужто услышали? Неужели моя жизнь на этом кончится?»

Ветки то и дело хлестали по лицу, оставляя кровоточащие царапины. Кровь смешивалась с потом.

Вот уже крики слышались со всех сторон. И только тут появился страх смерти.

Грохнуло еще несколько выстрелов. Рассекающие прохладный воздух пули просвистели так близко, что тело покрылось испариной и одежда мгновенно прилипла к нему.

Еще минута или две, и они будут здесь. Почему руки за спиной никак не слушаются? Неужели липкая лента может быть такой крепкой?

Хлопая крыльями, над деревьями взлетели испуганные птицы. За стеной елей отчетливей проступили движущиеся тени. Теперь до них оставалось каких-нибудь сто метров. Все стало отчетливей — голоса, кровожадный азарт охотников.

Как они это сделают? Один выстрел, одна стрела — и конец? Так просто?

Нет, нет! Этого им не хватит. Для таких негодяев это было бы слишком милосердно. У них наготове ружья и ножи. Они уже показали, как эффективно действуют их арбалеты!

«Где же мне спрятаться? Где найти местечко? Успею ли я вернуться назад? Или нет?»

Взгляд обшаривал почву, метался по сторонам. Но лента, наклеенная на глаза, мешала толком что-то разглядеть, и ноги, спотыкаясь, снова пустились бегом.

«Теперь я на себе почувствую, каково это — оказаться в их власти. Для меня они не сделают исключения, ведь только так они и получают свое. Все будет по полной программе».

И тут сердце заколотилось так сильно, что в груди стало больно.

Решившись выйти на Стрёгет¹, она ступала, как по лезвию ножа. Наполовину закрыв лицо грязно-зеленым шарфом, она крадучись шла мимо витрин, внимательно оглядывая улицу. Задача заключалась в том, чтобы распознать кого нужно, оставаясь при этом неузнанной. Этого требовали ее демоны, и она вновь и вновь скользила по улицам, одинокая среди прохожих с мертвыми глазами, сновавших мимо нее туда и сюда.

Кимми подняла взгляд на фонари, холодным светом заливавшие Вестерброгаде. Принюхалась, раздувая ноздри. Скоро наступят морозные ночи. Пора привести в порядок зимнее убежище.

У пешеходного перехода к Центральному вокзалу столпилась кучка вышедших из Тиволи иззябших посетитель. Взгляд Кимми упал на женщину рядом, в твидовом пальто. Прищурившись, женщина оглядела ее, поморщилась и посторонилась, будто хотела отойти подальше.

«Спокойно, Кимми!» — подсказывало подсознание, но на нее уже нахлынула нарастающая ярость.

Она окинула женщину взглядом сверху вниз, осмотрела матово блестящие колготки, потом туфли на высоких каблуках. И постаралась спрятать улыбку — эти каблучки не выдержат одного резкого пинка. Женщина грох-

¹ Пешеходная зона в центре Копенгагена, представляющая собой ряд переходящих одна в другую улиц. *(Здесь и далее примечания переводчика, кроме особо оговоренных.)*

нется и сама узнает, что от соприкосновения с мокрым тротуаром любой наряд приобретает весьма непрезентабельный вид. И больше не будет так морщиться!

Кимми подняла взгляд и посмотрела женщине прямо в глаза. Подведенные веки, напудренный носик, укладка волосок к волоску. Взгляд невидящий и неприступный. Да уж, таких дамочек из высших слоев, пустых внутри, как пузырь, Кимми насмотрелась в свое время достаточно. Она и сама когда-то была одной из них, как и ее подруги, и мачеха.

Они были ей отвратительны.

«Ну сделай же что-нибудь! — нашептывали голоса у нее в голове. — Неужели ты это стерпишь? Покажи ей! Давай же, действуй!»

С другой стороны улицы на Кимми поглядывала кучка темнокожих подростков. Если бы не они, она толкнула бы эту женщину под сорок седьмой автобус, который как раз ехал мимо. Она отчетливо видела кровавое месиво под колесами, ощущала ужас толпы и собственное сладкое чувство справедливого возмездия.

Но Кимми удержалась: в толпе всегда найдутся внимательные глаза. А еще ей мешало что-то в душе — страшные отголоски далеких дней.

Поднеся рукав к носу, она понюхала ткань. В чем-то эта фифа права: от рукава страшно воняло.

Как только зажегся зеленый свет, Кимми ступила на мостовую, волоча за собой чемодан; колесики перекосило, так что он переваливался на ходу. Больше она не будет с ним таскаться, эту рухлядь давно пора выкинуть и заменить на новый.

В здании вокзала, рядом с киоском, стоял газетный стенд — словно назло всем спешащим пассажирам и незрячим. По пути через город Кимми уже несколько раз попадались эти страницы, вывешенные на всеобщее обозре-

ние; завлекательные заголовки вызывали у нее тошноту. Когда такие стенды попадались на пути, она отворачивалась и только бурчала себе под нос: «Скоты!» Но, невольно повернув голову, мельком увидела первую страницу и содрогнулась от одного вида этого человека.

Под фотографией было написано: «Дитлев Прам скупает частные клиники в Польше; общая сумма сделки составляет двенадцать миллиардов». Кимми сплюнула на пол и немного постояла, стараясь успокоиться. Она ненавидит Дитлева Прама. И Дитлева, и Торстена, и Ульрика. Ничего! Однажды она им покажет! Когда-нибудь она их сделает! Обязательно.

Она усмехнулась, и встречный прохожий улыбнулся ей в ответ. Вот еще один дурачок, воображающий, будто ему известно, о чем думают другие!

И тут она вдруг остановилась.

В нескольких шагах впереди стояла на своем обычном месте Тина Крысятница: немного подавшись вперед и покачиваясь на нетвердых ногах, с грязными руками и набрякшими веками, вытянув перед собой раскрытую ладонь, в идиотской уверенности, что хоть кто-нибудь из толпы сунет ей десятку. Только наркоманы и способны стоять так часами. Придурки несчастные!

Кимми хотела прошмыгнуть у нее за спиной к выходу на Ревентловгаде, но Тина заметила ее.

— Привет! Какого черта, Кимми! Привет! — прогнусавила она, на миг вынырнув из тумана, который окутывал ее сознание.

Но Кимми не ответила. Тина Крысятница соображала, только сидя на любимой скамейке с банкой пива в одной руке и сигаретой в другой, сейчас от нее все равно не будет толку.

А ведь она являлась единственным существом, с которым у Кимми сложились человеческие отношения.

На улицах гулял пронизывающий ветер, и народ спешил поскорее добраться до дома. Кимми выглянула наружу: на стоянке такси перед выходом на Истедгаде напротив вокзала выстроились пять «мерседесов» с работающими моторами. Значит, когда понадобится, хотя бы одна машина там будет.

Перейдя через дорогу, где в подвальчике располагалась тайская лавка, Кимми поставила чемодан возле окна. Она не раз оставляла здесь чемодан, и только однажды его стащили. Сегодня этого не случится: в такую погоду даже воры прячутся по домам. А впрочем, какая разница! В чемодане не было ничего, из-за чего стоило бы волноваться.

Она не провела на вокзальной площади и десяти минут, как добыча сама приплыла в руки. Из такси вышла стройная красотка в норковой шубке примерно сорок четвертого размера и с чемоданом на хороших резиновых колесиках. Несколько лет назад Кимми охотилась исключительно на женщин сорок шестого размера, но от жизни бездомной бродяжки особо не разжиреешь.

Женщина остановилась перед билетным автоматом в зале. Пока она разбиралась, что к чему, Кимми сперла чемодан и направилась к заднему выходу. Не успела хозяйка барахла и глазом моргнуть, как Кимми уже очутилась на Ревентловгаде у стоянки такси.

Дело мастера боится!

На стоянке она уложила добычу в багажник ближайшего такси и велела шоферу покатать ее по улицам. Таксист взглянул на нее с подозрением и брезгливо сморщил нос, но Кимми вынула из кармана пальто толстую пачку стокроновых купюр.

— Делай, как сказано, и получишь парочку сотен на чай.

Через час она вернется за старым чемоданом уже в новых шмотках и пахнущая духами незнакомой женщины.

Небось тогда таксисту уже незачем будет морщиться!

Дитлев Прам был красивым мужчиной и прекрасно об этом знал. В бизнес-классе самолета всегда находились женщины, которые, послушав, какой у него «ламборджини» и как быстро он домчит их до своей резиденции в Рунгстеде, не отказывались от такого предложения.

На этот раз он выбрал даму с пушистыми волосами и в очках в тяжелой черной оправе, которая придавала ей непрístupный вид. Это его раззадорило, но завести с ней разговор не удалось. Он протянул ей журнал «Экономист» с фотографией атомной электростанции на обложке, но она отстранила подношение. Он заказал ей напиток, но она не стала пить. И когда самолет согласно расписанию приземлился в Каструпе, Дитлев понял, что напрасно потерял драгоценные девяносто минут полета.

Такие неудачи его бесили.

Он направился напрямик по застекленному переходу в третий терминал и, приближаясь к эскалатору, увидел подходящую жертву: человека с неуверенной походкой, который двигался в том же направлении.

Дитлев прибавил ходу и подошел к эскалатору в тот самый миг, когда старик поставил на него ногу. Достаточно сделать подножку, и тощий урод со всего маху упадет и врежется мордой в плексигласовое окно. Дитлев ясно увидел эту картину; его так и подмывало воплотить ее в жизнь, такой уж он был человек. Он, можно сказать, вырос на этом, как и остальные члены его группы. Для него

в этом не было ничего противного или постыдного. Во всем виновата та баба из самолета: могла бы не строить недотрогу, и тогда через час они с ней уже лежали бы в спальне у него дома.

В зеркале заднего вида возник ресторан «Страндмёллекроен», перед глазами ослепительно засверкала знакомая морская гладь. Как раз в это время раздался сигнал мобильного. Дитлев посмотрел на дисплей: звонил Ульрик.

— Кое-кто видел ее несколько дней назад, — начал тот, когда Дитлев отозвался. — На переходе через Бернсторфсгаде перед Центральным вокзалом.

— Ясно. — Дитлев выключил проигрыватель. — Когда именно?

— В понедельник. Десятого сентября. Около девяти вечера.

— И что ты предпринял в связи с этим?

— Мы с Торстеном сходили туда, но ее не нашли.

— Торстен тоже там был?

— Был. Но ты же знаешь, от него никакого толку.

— Кому поручили это задание?

— Ольбеку.

— Хорошо. Как она выглядела?

— Одетая вполне прилично, как мне сказали. Похудела.

Но от нее воняло.

— Воняло, говоришь?

— Да. Потом и мочой.

Дитлев кивнул. Хуже всего в Кимми было даже не то, что она иногда вдруг исчезала на месяцы и даже годы. Главное, с ней вообще не знаешь, чего ждать: то пропадает, то вдруг возникает, как привидение. Она представляла главную опасность в их жизни, единственную настоящую угрозу.

— На этот раз мы ее поймаем. Ульрик, ты с нами?

— А зачем еще, думаешь, я тебе позвонил?

Только войдя в неосвещенный подвал полицейского управления, где располагался отдел «Q», Карл Мёрк по-настоящему осознал, что лето прошло и отпуск закончился. Включив свет и кинув взгляд на свой письменный стол, загроможденный стопками папок с делами, он почувствовал острый приступ панического желания захлопнуть дверь и бежать отсюда куда глаза глядят. Не помог даже поставленный Асадом посреди стола букет гладиолусов такого размера, что хватило бы перегородить какой-нибудь проспект не из самых широких.

— С возвращением на работу, босс! — послышалось за спиной.

Карл обернулся и встретился взглядом с искрящимися бодростью блестящими карими глазами помощника. Поредевшие темные волосы жизнерадостно топорщились во все стороны, облик выражал полнейшую, прости господи, готовность в очередной раз положить жизнь на алтарь полицейского управления!

— Карл, ну надо же! — произнес Асад, встретив тусклый взгляд шефа. — Даже не верится, что ты только вышел из отпуска!

Карл покачал головой:

— А мне, думаешь, верится?

Наверху, на третьем этаже, только что опять все переменялось. Чертова реформа полиции! Пожалуй, скоро придется разыскивать кабинет начальника отдела по рассле-

дованию убийств с GPS-навигатором. Карла не было какие-то три недели, и вот уже по крайней мере пять новых лиц уставились на него как на чудо морское! Сами-то они кто такие, черт возьми?

— Карл, для тебя есть отличная новость, — заявил начальник отдела по расследованию убийств, пока тот озирает светло-зеленые стены нового кабинета руководителя.

По общему впечатлению — нечто среднее между операционной и помещением для секретных совещаний антикризисной группы из триллера Лена Дейтона¹. С фотографий на тебя смотрят погасшие глаза неопознанных трупов, рядом пестрая мешанина из карт, диаграмм, списков личного состава. Эффект такой, что просто жить не хочется.

— Отличная новость, говоришь? Это не обещает ничего хорошего, — отозвался Карл, тяжело опускаясь на стул напротив шефа.

— Скоро у тебя будут гости из Норвегии.

Карл бросил на Маркуса хмурый взгляд исподлобья.

— Мне сказали, что прибудет делегация из полицейского управления Осло в составе пяти человек, чтобы ознакомиться с отделом «Q». В следующую пятницу в десять. Помнишь? — Тут Маркус Якобсен с улыбкой подмигнул Карлу. — Между прочим, они с нетерпением ждут этой встречи.

Карл отнюдь не разделял этого чувства.

— В связи с чем я увеличил штат твоей группы на одну единицу. Ее зовут Роза.

Карл содрогнулся.

Выйдя от начальника, Карл постоял, пытаясь придать лицу нормальное выражение. Беда не приходит одна, как говорится. Всего пять минут, как пришел на работу, и нате вам: ты уже назначен наставником начинающей

¹ *Дейтон Лен* (р. 1929) — английский писатель, автор популярных детективов и шпионских романов.

секретарши, а заодно и гидом группы ротозеев из Осло. Эту радость ему уже давно обещали, но за время отпуска он об этом благополучно забыл.

— Где тут у вас новенькая, которую направляют ко мне? — спросил он, остановившись у барьера, за которым сидели секретарши.

Эта барыня фру Сёрсенсен даже не подняла головы от клавиатуры.

Он постучал по барьеру. Никакого эффекта.

Но тут кто-то тронул его за плечо.

— Роза, вот он, собственной персоной, — сказали за спиной. — Позволь представить — Карл Мёрк.

Обернувшись, он увидел перед собой два поразительно похожих лица и подумал, что изобретатель черной краски прожил жизнь не зря. Плоды его трудов были представлены здесь по максимуму: черные как смоль волосы, очень короткие и всклокоченные, черные-пречерные глаза и одежда чернее ночи. Даже жутко смотреть.

— Лиза, да что это с тобой, черт возьми?

Самая симпатичная секретарша отдела по расследованию убийств провела рукой по голове, еще недавно белокурой, и одарила его сияющей улыбкой:

— Правда же, классно выглядит?

Карл медленно кивнул и посмотрел на вторую девушку. Она стояла перед ним на высоченных каблуках и обворожительно улыбалась. Затем Карл вновь перевел взгляд на Лизу, которая была до ужаса похожа на новенькую. Поди узнай, кто тут с кого слизал новый имидж!

— Так вот, это Роза. Пару недель назад она украсила собой наш секретариат, и теперь я передаю ее под твое покровительство. Прошу любить и жаловать!

Карл ворвался в кабинет Маркуса, держа наготове все необходимые аргументы, но через двадцать минут ему стало ясно, что этот спор он заранее проиграл. У него есть

неделя на подготовку к встрече делегации, а что касается девушки, то ее без всяких разговоров следует сейчас же препроводить к себе в отдел. Рядом с кабинетом Карла находилась кладовка, где хранились предупреждающие ленты и прочее оснащение для ограждения мест происшествия. Сейчас это помещение уже освободили и обставили соответствующим образом, сообщил Маркус Якобсен. Роза Кнудсен с этого дня зачислена в качестве нового сотрудника отдела «Q», и это не обсуждается.

Какими бы мотивами ни руководствовался начальник, Карла это совершенно не интересовало.

— Школу полиции она закончила с наивысшими баллами, но провалила практику вождения, а без этого никуда, какой бы ты ни был отличник по другим предметам. К тому же она, кажется, чересчур впечатлительна для полевой работы, но непременно хотела служить в полиции, закончила секретарские курсы и год проработала в Центральном отделении. Последние две-три недели она замещала фру Сёренсен, но сейчас та вернулась, — сообщил Маркус Якобсен, в пятый раз вытаскивая и вертя в руках полную пачку сигарет.

— А почему, позволь спросить, ты не отослал ее назад в Центральное отделение?

— У них там какие-то свои внутренние заморочки. Нас это не касается.

— О'кей.

Так она еще и замешана в каких-то заморочках!

— Во всяком случае, у тебя теперь есть своя секретарша, причем толковая.

Это не утешало: толковыми Маркус называл практически всех.

— Мне кажется, она очень милая, — попытался утешить Карла Асад, когда тот вернулся в отдел «Q», залитый светом люминесцентных ламп.

— Могу тебе сообщить, что в Центральном она ввязалась в какие-то заморочки, как сказал шеф. В этом ничего милого я не вижу.

— Замо... Повтори, пожалуйста, это слово!

— Не важно, Асад. Забудь.

Помощник кивнул и глотнул из чашки чего-то, сильно пахнущего мятой.

— Карл, послушай. В том деле, что ты поручил мне, я без тебя не продвинулся ни на шаг. Я везде смотрел — и тут и там, но все папки пропали, пока наверху переезжали.

Карл вскинул голову. Пропали? Какого черта! Ладно, значит, на сегодня есть чем заняться.

— Ну да. Совсем пропали. Но потом я поискал на всякий случай тут и вот что нашел. Это очень интересно.

Асад протянул ему светло-зеленую папку и застыл, как соляной столп, с радостным выражением на лице.

— Ты так и будешь стоять надо мной, пока я читаю?

— Да, с удовольствием, — вежливо ответил Асад и поставил свою чашку на стол Карла.

Карл набрал полную грудь воздуха и медленно выдохнул. Затем открыл папку.

Дело было по-настоящему старое. Точнее, датированное 1987 годом — в то лето Карл с товарищем отправился на поезде посмотреть копенгагенский карнавал и там учился танцевать самбу у рыженькой девушки, которая так прониклась жгучими ритмами, что для них ночь получила божественное завершение на одеяле за каким-то кустом в парке Конгенс Хаве. Ему тогда было двадцать с небольшим, и он никогда еще не чувствовал себя настолько сексуально просвещенным, как после этой встречи.

Хорошее было лето! А еще его тогда перевели из Вейле в полицейский участок на Антонигаде.

Убийства, очевидно, произошли через пару месяцев после карнавала — как раз тогда рыженькая танцовщица уплясала от него к другому ютландцу. И даже в те самые дни, когда он начал делать первые ночные обходы по тесным улицам Копенгагена. Даже странно, что он ничего не помнил об этом весьма необычном деле. В летнем домике в окрестностях озера Дюбесё в Рёрвиге обнаружили забитыми насмерть двоих молодых людей, брата и сестру, семнадцати и восемнадцати лет. Девушка пострадала сильнее, однако следы сексуального насилия отсутствовали, признаков ограбления тоже не было.

Карл еще раз прочитал отчет о вскрытии, затем просмотрел газетные вырезки. Их было всего несколько, зато заголовки напечатаны самым крупным шрифтом.

«Забиты до смерти», — сообщалось в «Берлигские тиденде», причем описание трупов было дано удивительно подробно для этой чопорной газеты.

Оба тела лежали в комнате с камином. Девушка в бикини, ее брат — обнаженный, с зажатой в руке бутылкой коньяка. Парень был убит одним ударом в затылок, нанесенным тупым предметом. Впоследствии орудие убийства было найдено — это оказался плотницкий молоток, обнаруженный в зарослях вереска между озерами Флюндерсё и Дюбесё.

Мотив убийства остался невыясненным, но очень скоро под подозрение попала группа подростков, учащихся частной школы-пансиона, которые находились в это время на участке огромного летнего дома, принадлежавшего родителям одного из ребят. Юнцы уже не раз устраивали драки в местном развлекательном центре «Ден Рунде», что приводило к нанесению тяжелых телесных повреждений.

— Ты дошел до того места, где описываются подозреваемые?

Карл исподлобья взглянул на Асада, но это не подействовало.

— В отчете также сказано, что все они были из обеспеченных семей. Ведь, кажется, в эти самые золотые восьмидесятые, или как там называются эти годы, таких было немало?

Карл кивнул. Он как раз добрался до этого места в тексте.

Так и есть. Все отцы и сейчас были заметными персонами.

Он несколько раз проглядел список компании юных правонарушителей. Мало того, что их отцы были известными и богатыми людьми. Со временем и сами молодые хулиганы стали такими же. Они родились с серебряной ложкой во рту и сумели превратить ее в золотую. Например, Дитлев Прам — хозяин ряда частных клиник, Торстен Флорин — известный дизайнер, Ульрик Дюбббель-Йенсен — биржевой аналитик. Все трое занимали верхние строчки в списке самых преуспевающих датчан, как прежде и четвертый их друг Кристиан Вольф, ныне покойный владелец судоходной компании. Из списка выпали только двое: Кирстен-Мария Лассен, чье местонахождение в настоящее время было никому не известно, и Бьярне Тёгерсен, который сознался в убийстве тех двоих в летнем домике и ныне сидел в тюрьме. Происхождение он имел более скромное, чем остальные.

Закончив чтение, Карл захлопнул папку и бросил на стол.

— Я не понимаю, как это дело попало к нам, — сказал Асад, как ни странно — без улыбки.

— И я не понимаю. — Карл покачал головой. — Виновник уже найден и осужден. К тому же сам явился в полицию и сделал признание. Какие тут еще могут быть сомнения? Дело закончено и закрыто.

— Так-то так, — согласился Асад, покусывая губу. — Но он пришел с добровольной явкой только десять лет спустя.